

УДК 1 (091)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА О НИГИЛИЗМЕ В РОССИИ¹

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В русле воззрений трех петербургских мыслителей – К.Д. Кавелина, Н.Н. Страхова и Н.И. Кареева – высвечен нигилизм как социокультурное явление русской мысли с 60-х гг. XIX в. до первой русской революции начала XX в. В статье отмечены общие причины, побудившие теоретиков включиться в публичный разговор о нигилизме, в частности, их гражданская позиция и личные переживания. Сделан вывод о том, что петербургские ученые выявляли разные аспекты возникновения и распространения нигилистических идей в России: исторический (Кавелин), дискурсивный (Страхов) и культурно-социальный (Кареев). Это нашло свое отражение и в формах артикуляции проблемы нигилизма: посредничество между правительством и студентами (Кавелин, Кареев), публичная полемика в официальных записках, письмах и статьях (Кавелин, Страхов), помощь в организации быта студентов (Кареев).

Ключевые слова: *К.Д. Кавелин, Н.Н. Страхов, Н.И. Кареев, культура, история, конфликт поколений, нигилизм, интерпретация.*

Нигилизм – скептическое отношение к традиционным ценностям – так сильно овладел умами молодого поколения в России середины XIX в., что через каких-то три-четыре десятилетия стал буквально «визитной карточкой» мировоззрения самых разных пластов общества: мелкопоместного дворянства, разночинцев, студентов. Сформировавшись в русле критики общественного строя, нигилизм прошел несколько стадий своего развития: от русского вольтерьянства конца XVIII в., через возникновение идейного радикализма в разночинной среде молодежи середины XIX в., до ницшеанской переоценки ценностей и, как финал, до особой – революционной – формы общественного сознания начала XX в. [5].

В.В. Зеньковский в числе первых отметил, что нигилистический настрой, свойственный русской общественной мысли, уходит своими корнями к воззрениям русских вольтерьянцев с их тоской по утрате «былой духовной почвы», вызванной усиливающейся на их глазах секуляризацией жизни. По силе протестного накала Зеньковским описаны два типа нигилистов – действенные и бездейственные. Первые, по его наблюдениям, взялись за поиск «новой» веры и, разуверившись в собственных культурных реалиях, обратили свои взоры на Запад. Вторые впали в «дешевый скептицизм», т. е. пошли по пути, не требующем больших интеллектуальных затрат [2, с. 86].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования», № 20-011-00071.

Современные исследователи анализируют нигилизм как сложное явление человеческой жизни, как черту умственного настроения разных слоев российского общества второй половины XIX – начала XX вв. Спектр рассматриваемых вопросов достаточно широк: ведется поиск экзистенциальных и онтологических истоков нигилизма [6], анализируются оценочные суждения мыслителей и публицистов тех времен [1], рассматриваются формы проявления нигилизма, как заимствованные, так и генетические (см.: [5; 9; 10]) и другие аспекты.

Цель данной статьи – сквозь призму воззрений трех петербургских ученых – К.Д. Кавелина, Н.Н. Страхова и Н.И. Кареева – взглянуть на причины конфронтации русского общества в пореформенный период России 1860–1880-х гг. и в начале 1900-х гг. Выбор авторов обусловлен тем, что их тексты представляют собой особый лингво-семиотический пласт, позволяющий расширить наши представления о нигилизме и получить новые дискурсивные возможности для изучения оснований и форм протестного мышления и поведения различных сословий дореволюционной России.

Согласно русской литературной традиции XIX в., И.С. Тургенев ввел термин «нигилизм» как отрицание традиционных ценностей искусства, науки, философии, религии, а подхватившие его революционеры-демократы расширили значение нигилизма: пустота и безвкусице (В.Г. Белинский), скептицизм (Н.А. Добролюбов), революционное состояние сознания (А.И. Герцен и Д.И. Писарев). На этом фоне русский историк права, общественный деятель К.Д. Кавелин крайне негативно оценивает нигилизм. В своем открытом обращении к Александру II «О нигилизме и мерах, против него необходимых» (1866) он прямо обозначает нигилизм как «умственную заразу», вызванную в России целым рядом исторических факторов. Кареев перечисляет следующие: многовековое отсутствие политических прав у всех слоев русского общества, включая и дворянство; крепостная правовая система государства; не выдерживающая никакой критики система образования и другие [3, с. 1134]. По наблюдениям Кавелина, Россия испытала уже два всплеска нигилизма. Первая волна протестных настроений русского общества наблюдалась в 40-х гг. XIX в. и была зафиксирована в печатном слове оппозиционно настроенного молодого поколения России (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский). Вторая волна нигилизма повторилась в 60–80-х гг. XIX в. и была вызвана тем, что так долго ожидаемые реформы не решили коренных вопросов российской действительности.

Собирая воедино причины появления и распространения нигилизма в России, Кавелин особо выделяет две: многовековое бесправие русского народа и малообразованность молодых людей, у которых чувство негодования и протеста захлестывает тягу к знаниям [3, с. 1139]. Мелкопоместные дворяне и бывшие крестьяне – вот кто, на взгляд Кавелина, являлся носителем скептического настроения и желания всё вокруг

ниспровергать. Жажда такого отрицания была во многом вызвана неосознанным ощущением разностильности своей жизни. И те, и другие в силу разных обстоятельств выпадали из своей однородной жизненной локации в новую, разнотинную, среду. Обедневший мелкопоместный дворянин чувствовал себя лишним в привилегированном сословии, а сельский житель рвался в новую для него среду, где возможность образования давала надежды на достойное будущее. И у тех, и у других было сильное желание улучшить мир вокруг себя, но не хватало духовности и образованности. «Очевидно, что крепостническая оппозиция в одной части дворянства должна была порождать нигилизм в другой, ибо оппозиция эта готовила умы молодого поколения к неуважению правительства, она учила их не доверять его действиям, извращать его намерения. Вступая с такою закваскою в училище, молодой человек, естественно, становится легкою добычею для нигилистической пропаганды: стоит только уму, пропитанному толками дворянской оппозиции, воспринять столь заманчивые для юношей фразы либерализма, отрицания авторитетов и т. д., и первый шаг к обращению в нигилизм уже сделан», – пишет Кавелин [3, с. 1141]. Не получив глубокого и систематического образования, молодые люди оказались неспособными критически освоить и согласовать с российскими традициями популярные западные идеи материализма и социализма. Именно поэтому перспективу ослабления протестных настроений общества Кавелин связывал с реализацией либеральных правительственных реформ не только в политической, но и в образовательной сфере.

В текстах Н.Н. Стрхова мы видим другой подход к пониманию природы нигилизма. Распространение нигилизма он связывал с силой печатного слова, публично отражавшего протестные настроения молодого поколения начиная с 40-х гг. XIX в. Петербургские публицисты и литераторы, считает Стрхов, породили ту дискурсивную почву, на которой и расцвел русский нигилизм. По наблюдениям Стрхова, петербургские авторы умеют самостоятельно мыслить, говорить от себя, а не с чужого голоса, и самое главное – умеют сомневаться: «Сомнение, как вы знаете, есть первое самостоятельное движение мысли» [7, с. 26]. Именно в Петербурге зародились и оформились эстетические, поэтические, иронические формы глубокомыслия. Такую саморефлексивность Стрхов именует не иначе, как «наше особенное, национальное воззрение на мир» [7, с. 29]. Но на фоне подобных одобрительных рассуждений Стрхов постепенно начинает задаваться вопросами. Почему же именно петербургские писатели стали вестниками литературного нигилизма? Когда свойственная им глубокомысленная самоирония переросла в слепое заимствование разного рода западных теорий? Почему радость от самостоятельного движения мысли стала подменяться радостью разрушения?

Позже, в «Письмах о нигилизме» (1881) Стрхов найдет объяснение такой метаморфозе печатного слова в общем упадке нравственности.

Льющиеся со страниц периодической литературы бездушные, злорадство, ненависть были вызваны тем, что писатели потакают низменным чувствам людей, их бездуховности. Страхов подмечает, что «писатели знают своих читателей, знают, что этим именно они заслужат общее одобрение, что читатели будут в восхищении, вычитав в газете такое отчетливое и яркое выражение своих чувств» [8, с. 394].

Как и Кавелин, Страхов диагностирует нигилизм как вредное явление и противопоставляет ему позицию: познавая жизнь, нельзя оставаться к ней безучастным, но жажда преобразований не должна превращаться в одно лишь отрицание и нереклексивное заимствование. Для этого он пишет статью «И.С. Тургенев “Отцы и дети” (1862), напечатанную в журнале “Время”. Здесь Страхов использует своеобразный дискурсивно-герменевтический прием. В своей статье он сравнивает две центральные фигуры: Базарова как художественного персонажа (а следовательно, и самого Тургенева, сотворившего этот персонаж) и Писарева как реального идеолога молодого поколения. В итоге статья приобретает форму, в которой рельефно вырисовывается герменевтический круг. Мысль Страхова движется от “текста” (Базарова) к его “автору” (Тургеневу), затем к “интерпретатору” (Писареву и, отчасти, Антоновичу).

Действительность подталкивает Страхова пополнить галерею русских ниспровергателей традиции – Писарева и Базарова – еще одним персонажем. Это – нигилист Вертяев. Как и Базаров, Вертяев тоже литературный персонаж, выведенный драматургом Ф.Н. Устряловым в пьесе «Слово и дело». Явно пытаясь подражать тургеневскому Базарову, автор пьесы тоже изображает нигилиста, но более удобного для читателей, т. е. уже не такого категоричного в своих оценках, а способного и на обратный ход. Если не вдаваться в оценку достоинств самой пьесы, то по сюжету главный герой Вертяев изначально, как и Базаров, отрицает любовь, считая ее проявлением излишней возвышенности. Однако в конце пьесы он полностью отдается этому чувству.

Довольно язвительным тоном Страхов пишет, что идея пьесы заключается в демонстрации того, как человек способен на словах быть одним, а на деле – другим. Главный герой считает себя раскаявшимся нигилистом, который проходит от полного отрицания и маловерия до принятия. Человек, наделенный таким именем, все время вертится, меняет свои убеждения. По мнению Страхова, появление «вертяева» неслучайно, этот образ стал следствием «страшной разноголосицы», поднятой по поводу нигилизма тургеневского Базарова. Амплитуда мнений в печати оказалась весьма широкой: от полного согласия с Тургеневым до непонимания природы нигилизма и даже поисков тайного умысла великого писателя. Страхов так оценивает эту ситуацию в своей статье «Слово и дело» (1863): «Итак, во всей этой истории мы видим одно: ни-

гилизм ничего для себя не сделал; все для него сделано его противниками. Они создали ему героя, дали ему имя, заботились об его истолковании» [7, с. 36].

Страхов фокусирует внимание на дискурсивном аспекте природы нигилизма. Три нарисованных им образа «говорят» по-разному: Писарев, не щадя себя, публично декларирует боевые и радикальные черты нигилизма; Базаров отстаивает свои убеждения в повседневной жизни, в практике врачевания, а Вертяев демонстрирует пустой, нерелексивный скептицизм, который на деле оказывается всего лишь модным трендом, говоря сегодняшним языком. В дилемме «отцов» и «детей» Писарев и Базаров испытывают «злобу детей». Злоба эта, по наблюдениям Страхова, коренится в их страданиях, в их томлениях из-за отсутствия любви; и злоба эта, по сути, есть обратная сторона любви. Еще один момент: «дети» злятся по-настоящему и злятся на себя, переживая, что не могут устоять перед натиском всей полноты жизни. Вертяев же злится временно, искусственно, понарошку, чтобы усилить потом эффект раскаяния (невольно возникают ассоциации с симулякрами Бодрийера. – *Е.М.*). Если расшифровать рассуждения Страхова современным языком (а для этого мы и обращаемся к наследию мыслителей прошлого), то в его триаде образов Писарев – это реальный нигилист; Базаров – литературный нигилист, а Вертяев – симулякр, человек, который играет в нигилиста, потому что это модно.

Исторические и дискурсивные причины роста нигилизма в России рельефно дополняются социально-культурными обстоятельствами, высеченными Н.И. Кареевым. Как профессор университета, Кареев увидел в студенчестве ту почву, на которой расцветал русский нигилизм, перерастая прямо на его глазах в революционный радикализм. Кареев признается, что его собственные студенческие годы пришлись на довольно спокойное время, но если бы тогда происходили какие-либо протесты, то он не остался бы в стороне. Психология «бунтующего студента» была ему понятной. Проявлять протестные настроения, высказывать свое несогласие – эти черты были свойственны и самому Карееву.

В своих воспоминаниях Кареев дает двойственную оценку протестным настроениям студентов. С одной стороны, он понимает, почему возникают беспорядки. Студенты беспорядны и бедны, в подавляющем своем большинстве. Кареев с сожалением отмечает, что от этих обстоятельств зачастую рушится хрупкая жизнь молодого человека, особенно, если он стал жертвой начальственного возмездия. С другой стороны, Кареев не поощряет студенческие беспорядки, называя их «вредоносными и нецелесообразными». Как академически настроенный ученый, он считал неприемлемым нарушать годами установленный ход учебной жизни. От беспорядков страдали не только преподаватели, лекции которых срывало «энергичное меньшинство», но и студенты, адекватно понимающие

назначение университета. Под энергичным меньшинством Кареев понимал студентов, воспринимающих аудитории университета как площадку для протестов. Пример, который приводит Кареев в своих воспоминаниях, со всей очевидностью иллюстрирует эту мысль: «Помню одного юношу, который в своем пылу утрачивал всякое чувство действительности. Один раз мы убеждали его втроем, именно Гревс, Ольденбург и я, но на все наши аргументы он отвечал так: “Вижу, господа, вы совсем не понимаете, для чего существует университет”. “Мы-то понимаем, – сказал я, – а вы как понимаете?” “Чтобы готовить революцию, – последовал ответ, – а те студенты, которые не с нами, – даже не студенты, а черт знает кто”» [4, с. 204].

По наблюдениям Кареева, два фактора усиливали число недовольных студентов – разношерстный состав студенчества и полицейский надзор. Когда он говорит о неоднородности студенческой среды и ее излишнем радикализме, то, по сути, вторит Кавелину. Действительно, благодаря уставу 1863 г. в университет хлынул разночинный люд. Такой либеральный посыл давал неоднозначный социальный эффект. С одной стороны, положительным оказался интеллектуальный критерий, пришедший на смену сословному. С другой стороны, молодые люди из разных сословий испытывали двойственность среды: прежней уже не было, а новой еще не было. Попадавший в новую для себя среду, явно отличающуюся от родной, крестьянской, разночинец начинал понимать, что получать знания – это большой труд и он требует способности и терпения. У одних умение учиться быстро формировалось, они с головой уходили в учебу и репетиторствовали, чтобы себя прокормить. У других это умение не возобладало. Гораздо проще было критиковать профессоров, отторгать надоевший классицизм, нападать на всякую «мертвую, книжную науку», делить дисциплины на «нужные» и «ненужные», переходить с факультета на факультет, предпочитая анатомию философии и т. д. Такие нападки на классицизм Кареев про себя называл «лесгафтинизмом», по имени профессора анатомии П.Ф. Лесгафта, славившегося своими нападками на науки, которые изучались на историко-филологическом и юридическом факультетах [4, с. 196]. У многих студентов первоначальная тяга к знаниям угасала и вытеснялась более понятной деятельностью – получать естественно-научные знания как знания о реальной жизни.

Тяжелое материальное положение, гражданское бесправие и смена ценностей в новой социальной среде – все это буквально вытесняло молодого человека на бунт. После принятия жесткого по силе запретов устава 1884 г. личная жизнь молодого человека в стенах университета подверглась сплошному регламенту и контролю. Кареев – не сторонник внешнего надзора над университетом, он все время отмечает пагубность такого режима. С явным осуждением он пишет о секретной комнате, в которой висели фотографии неблагонадежных студентов, о карцере, куда

сажали студентов за большие и малые проступки (например, даже за ношение партикулярного платья), об именных местах в гардеробе, позволяющих инспектору отслеживать, ходит ли студент на лекции или нет [4, с. 181–182]. В качестве разумной альтернативы полицейскому надзору Кареев признает практику оказания социальной помощи студентам. Несколько лет подряд он сам работал в обществе по предоставлению пособий студентам. В частности, по его собственному признанию, Кареев организовал в нем бюро «для приискания студентам работы» [4, с. 190]. В самых разных ситуациях – в личных беседах со студентами, на «чаепитиях», устраивающихся по поводу университетской годовщины, в издаваемых им брошюрах по самообразованию – при любой возможности Кареев пытался донести молодым людям свою позицию: освоение знаний не терпит суеты и эпизодичности, наоборот, оно предполагает систематичность и упорство. На его либеральный взгляд, следует дать студентам право на корпоративное сообщество, чтобы они учились отстаивать свои интересы мирным путем, а не устраивать беспорядки в аудиториях и на улицах. Кроме того, Кареев ратовал за взаимопомощь, например, в деле создания сообществ, способных поддерживать малоимущих учащихся.

Выводы. Петербургские мыслители, каждый по-своему, пытались найти дополнительные аргументы для решения вопроса о том, как снизить накал нигилистических настроений в русском обществе. Однако, как показала действительность, исторические знания и практические советы Кавелина, публицистическая активность Страхова и его призывы к поискам нравственности, общественная работа Кареева – все это не получало сильного эффекта. Голоса петербургских профессоров утонули в надвигающемся шуме социальных потрясений. Тем не менее, теоретические рассуждения Кавелина, Страхова, Кареева, их высказывания о том, как бороться с нигилизмом в обществе, созвучны современности. К чему сводилась главная мысль петербургских мыслителей? Да, российская действительность требует коренных преобразований, но невозможно жить все время заимствованием, подчеркивали они. Даже те культурные формы, которые доступны для заимствования, должны быть согласованы с историческими и общественными началами России. Надо вырабатывать такой ход общественной мысли, который пробуждал бы не к отрицанию и разрушению, а, наоборот, ориентировал бы на созидательные действия.

Рассуждения петербургских ученых, представленные в статье, равно как и те, который остались «за скобками», стянуты к одной мысли – нельзя допустить социальной революции, способной потрясти «народный организм» в самих его основаниях. К каждому сословию, охваченному маловерием и нигилистическим настроением, – крестьянам, дворянам, мелким чиновникам, разночинной интеллигенции, студенчеству – нужен особый подход. Кавелин считал, что надо дать людям политические права и гражданские свободы, а также коренным образом преобразовать

систему просвещения и образования в стране, начиная с самых низов, с крестьянских школ. Страхов справедливо фокусировал внимание на силе воздействия печатного слова и предупреждал публицистов о том, какой резонанс могут иметь их слова, а потому ратовал за самодисциплину и ответственность. Кареев считал, что надо бороться с бунтарским поведением студенчества не только одними полицейскими мерами контроля и наказания, что для решения проблемы нужен другой путь – реальные, практические шаги правительства и равнодушной общественности.

Список литературы

1. Возилов В.В. Г.Г. Шпет и эволюция представлений о русском нигилизме // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект) / отв. ред. О.Г. Мазаева. Томск: Национальный исслед. Том. гос. ун-т, 2003. С. 470–480.
2. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.
3. Кавелин К.Д. О нигилизме и мерах против него необходимых // Кавелин К.Д. Государство и община / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 1133–1148.
4. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / авт. вступ. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 384 с.
5. Ковалева Е.О. Проблема преемственности социокультурных традиций и конфликта поколений в русской философии конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГОУ, 2018. 192 с.
6. Сидоренко И.Н. Сущность онтологического нигилизма и проблема его преодоления // Журн. Белорус. гос. ун-та. Сер.: Философия. Психология. 2018. № 3. С. 36–42.
7. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма // Избр. тр. / сост. Н.И. Цимбаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 23–62.
8. Страхов Н.Н. Письма о нигилизме // Избр. тр. / сост. Н.И. Цимбаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 364–396.
9. Федосеева Т.В. Противостояние духовному нигилизму в литературно-критических публикациях газеты И.С. Аксакова «Русь» // Учен. зап. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2019. № 2 (20). С. 1–5.
10. Цзяньган Ч. Мышление антинигилиста: (Заметки о Н.Н. Стравове): пер. с кит. // Философские науки. 2015. № 3. С. 78–89.

ST. PETERSBURG THINKERS OF THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES ON NIHILISM IN RUSSIA

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

Nihilism is highlighted as a sociocultural phenomenon of Russian thought from the 1860s to the first Russian revolution at the beginning of the XX century in

the views of three St. Petersburg thinkers – K.D. Cavelin, N.N. Strakhov, and N.I. Kareev. The article uncovers the general reasons that prompted theorists to engage in a public conversation about nihilism, in particular, their civic position and personal experiences. It is concluded that St. Petersburg scholars have identified various aspects of the emergence and spread of nihilistic ideas in Russia: historical aspect (Cavelin), discursive aspect (Strakhov), and cultural and social aspect (Kareev). This was reflected in the forms of articulation of the problem of nihilism: mediation between the government and students (Cavelin, Kareev), public debate in official notes, letters, and articles (Cavelin, Strakhov), help in organizing the student life (Kareev).

Keywords: *K.V. Cavelin, N.N. Strakhov, N.I. Kareev, culture, history, generational conflict, nihilism, interpretation.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenuevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru